

ПОЧОНГ: СОВРЕМЕННЫЕ ФАБУЛАТЫ
О ЗОМБИ В ИНДОНЕЗИИ

© 2021 г. М.В. Фролова

*Институт стран Азии и Африки,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия**Дата поступления статьи: 20 июля 2020 г.**Дата одобрения рецензентами: 17 ноября 2020 г.**Дата публикации: 25 марта 2021 г.*<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-354-369>

Аннотация: В статье об индонезийском «зомби» (*почонг*) рассматриваются характерные для региона черты жанра народного рассказа о встречах с персонажами нижней мифологии, прослеживается этимология слов *ханту* («призрак», «нежить») и *почонг* («завернутый в саван»), приводится полный перевод типичного фабулата («Почонг и тележка с баксо»). Научную новизну статьи о *почонге* обеспечивает отсутствие узкоспециальных публикаций на русском языке, в которых эта тема разрабатывалась бы на аутентичном материале. Исследования на английском и индонезийском языках ограничены. В задачи данной статьи входят сбор данных о персонаже нижней мифологии *почонге* из индонезийских источников, изучение образа *почонга* и нарративов о нем, поиск ближайших аналогий в мировом фольклоре, интерпретация значений образа в современной индонезийской культуре. *Почонг* для верующих — символ бренности земного существования. В некоторых кругах мусульман-традиционалистов современной Индонезии практикуются ритуалы, связанные с *почонгом* («клятва *почонга*» и *песугихан*). В наши дни *почонг* часто демифологизируется и тиражируется в массовой культуре, чему способствует популярность уличных флешмонов, пранков и фильмов ужасов. Благодаря результатам комплексных исследований феномена популярности зомби можно пролить свет на значение и коннотации образа *почонга* как ходячего мертвеца, применив концепт Тода Платтса, который перечисляет варианты значений образа зомби (расизм, терроризм, культура потребления, классовое неравенство, распад нуклеарной семьи и т. д.). Образ *почонга* как угнетаемого человека из народа используется для выражения политического протеста. Социальное прочтение *почонга* как маргинала является актуальным для исследований фольклора Индонезии, а также для изучения индонезийского хоррор-дискурса в целом.

Ключевые слова: почонг, индонезийский фольклор, фольклор о призраках, фабулат, зомби.

Информация об авторе: Марина Владимировна Фролова — кандидат филологических наук, доцент, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, 125009 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9120-4671>

E-mail: m.v.frolova@gmail.com

Для цитирования: Фролова М.В. Почонг: современные фабулаты о зомби в Индонезии // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 1. С. 354–369.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-354-369>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 1, 2021

POCONG: CONTEMPORARY ZOMBIE STORIES IN INDONESIA

© 2021. Marina V. Frolova

*Institute of Asian and African Studies,
Moscow State University, Moscow, Russia*

Received: July 20, 2020

Approved after reviewing: November 17, 2020

Date of publication: March 25, 2021

Abstract: The paper about the Indonesian “zombie” *pocong* examines specific features of the ghost stories in Indonesia, tracks the etymology of the words *hantu* (“ghost,” “undead”) and *pocong* (“wrapped in shroud”), and includes a translation of a typical ghost story (“Pocong and a Cart Hawker”). It introduces the hitherto understudied material in Russia that counts only a small number of Indonesian and Anglophone works. The aims of this paper include collecting data about this mythological creature from Indonesian sources, studying the image of *pocong* and contemporary narratives about him, searching his closest parallels in the world folklore, and interpreting the meanings of the character discovered in modern Indonesian culture. For religious people, *pocong* is a symbol of the frailty of life. Some traditional Muslims in modern Indonesia practice *pocong* related rituals (“*Pocong’s oath*,” *pesugihan*). Nowadays, the image of *pocong* is demythologized as it circulates in urban flesh-mobs, pranks, and horror films. The typology of this scary image is surprisingly similar not to Muslim genies but to from Chinese hopping vampires. Modern zombie studies shed light on the genealogy of *pocong* as a walking dead. Todd K. Platts discusses the spectrum of potential underpinnings of the zombie that include racism, terrorism, class inequality, disintegration of a nuclear family, consumer culture *etc* that may be applied to *pocong* as well. *Pocong* symbolizes oppressed common folk and this image is frequently used in mass political protests. Interpretation of *pocong* as a marginalized figure is relevant for the folklore studies in Indonesia, as well as for the study of horror-discourse in general.

Keywords: pocong, Indonesian folklore, ghostlore, ghost story, zombie.

Information about the author: Marina V. Frolova, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya 11-1, 125009 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9120-4671>

E-mail: m.v.frolova@gmail.com

For citation: Frolova, M.V. “Pocong: Contemporary Zombie Stories in Indonesia.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 1, 2021, pp. 354–369. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-354-369>

Жанр *черита ханту* и его персонаж *почонг*

В 2020 г. численность населения Индонезии приблизилась к 270 млн, среди которых почти 230 млн — мусульмане¹. Традиционный ислам народов Индонезии сохраняет домусульманские элементы и инкорпорирует анимистические верования, отраженные в фольклоре на всем протяжении его развития.

Фольклор в Индонезии называют *черита rakyat* (*cerita rakyat*), «народная история». От санскритизма *черита* также происходит наименование жанра *черита ханту* (*cerita hantu*), рассказа о встрече с персонажем низшей мифологии (*ханту*). Индонезийская демонология как система народных представлений о *ханту* и совокупность нарративов о них — мало изученное обширное поле для исследователей разных специальностей, в особенности для фольклористов, антропологов, культурологов. В современной Индонезии рассказы о восставших из мертвых — один из самых живых фольклорных жанров. Как личный опыт встречи с *ханту* (меморат), так и пересказ чужого опыта (фабулат) остаются «классикой» непринужденного общения и рассказа по случаю.

Один из самых популярных персонажей индонезийской демонологии — *почонг* — туго завернутый в свой саван оживший мертвец, вставший из могилы. Научную новизну статьи о *почонге* обеспечивает отсутствие узкоспециальных публикаций на русском языке, в которых эта тема разрабатывалась бы на аутентичном материале. Исследования на английском и индонезийском языках ограничены; внимание зарубежных ученых обычно привлекают лишь некоторые аспекты образа, например, наибольший интерес у индонезийцев связан с ритуалом «клятва *почонга*» в контексте

¹ Последняя перепись населения Индонезии проходила онлайн с 15 февраля по 29 мая 2020 г. Точные результаты будут опубликованы на сайте Центрального бюро статистики.

исламского права (*фикх*) [8]. Краткие статьи на индонезийском и английском о *почонге* размещены в тематических энциклопедиях [6] и имеют дескриптивный характер. Сами фабулаты о *почонге* часто выходят в печать в небольших сборниках *черита ханту* [17; 23; 24] и часто содержат не только нарратив, но и описание призрака.

В задачи данной статьи входят сбор данных о персонаже низшей мифологии *почонге* из индонезийских источников, изучение образа *почонга* и нарративы о нем, поиск ближайших аналогий в мировом фольклоре и фольклоре о призраках (*ghostlore*), интерпретация значений образа в современной индонезийской культуре.

Народный рассказ о встрече с духами как древнейший жанр мифологической прозы повлиял на развитие литературы в дальневосточном культурном регионе, где появились литературные жанры «о необычном». В Китае народная демонологическая проза стала базой для танской новеллы VII–X вв. [12; 11] и ее блестящей стилизации XVII в. [14]. Многочисленные новеллы о чудесах — неотъемлемая часть литератур дальневосточного региона, включая вьетнамскую [13]. Традиционная литература Индонезии не создает отдельного традиционного литературного жанра «записок о необычном» по восточноазиатской модели. Но в современности, помимо любительских Интернет-блогов, сборники рассказов о встречах с духами выходят в печать и имеют немалую популярность, занимая свою нишу на книжных прилавках. В Индонезии жанр *черита ханту* не только сохранился, не затерявшись в исламской традиции, но и укрепил свою литературную позицию. «Можно сказать, что демонология, с одной стороны, благодаря своей пластичности и склонности к компромиссам с разными идеологическими системами, а с другой, в силу особенной близости к универсальным, “архетипическим” ощущениям и переживаниям, являет собой едва ли не самую устойчивую часть мифологической традиции» [3, с. 7]. В островной стране, где проживают представители множества разных этносов, выявление и изучение общих культурных связей особенно актуально. Жанр *черита ханту* является не только незаменимым инструментом для понимания современной культуры; эти тексты служат хорошим материалом для реконструкции древнего мировоззрения, хранят закодированную информацию об общих австронезийских корнях и могут быть интересны разным специалистам.

Черта ханту часто сохраняют рудименты ритуала: «жрец» и «жертва», пугающий и пугающийся. Главные акторы — *человек*, обычно выходец из низов, и *нечеловек*, *ходячий* мертвец или призрак, *выходец* с того света. Встреча один на один человека с нечистью происходит в пограничных зонах, в переходных пространствах и времени: в полночь, полдень, в сумерки, на перекрестке дорог. Место встречи считается опасным — в Индонезии это пространство около особых деревьев, гробницы, склепы, могилы мусульманских святых (*keramat*), кладбища, темные углы, колониальные голландские дома, больницы, ванны и туалетные комнаты. Такие места обычно маркированы словами *angker* или *wingit*, которые и означают «место силы», «заколдованное место». Нечисть, встретившаяся человеку, обычно привязана к своему локусу, чаще всего к месту своей смерти, и далеко за его пределы выходить не может. Иногда призраки не имеют злых намерений (*niat jahat*), но все равно являются людям, страдая сами от своей неприкаянности. Таких призраков часто называют «любопытные души умерших» (*arwah penasaran*). Не все словари фиксируют значение *ханту* как демона, вселяющегося в человека помимо его воли. В таком случае вместо *ханту* употребляется заимствованный библеизм *сэтан* (*setan*, «противник»), который понимается в народе ближе по значению к русскому «черт», «бес» (в религиозных мусульманских кругах о дьяволе говорят *ибليس* или *шайтан*). Различные *сэтан* (более позднее понятие) и *ханту* (более раннее) и являются главными героями народных рассказов о встречах с ними. Фонд этих текстов, устных и письменных, постоянно пополняется.

Словари индонезийского языка содержат много лексических единиц для обозначения разных *ханту*. Большой словарь индонезийского языка дает перевод *hantu* на русский как «дух (гл. обр. злой), призрак» [1, т. 1, с. 300]. Протоавстронезийский вариант (PAN) самого слова *hantu* реконструируется как **ʔaNiCu* и имеет значения *ghost, spirit of the dead, owl*. [7]². Прото-малайско-полинезийский (PMP) вариант **ʔanitu* имеет значения *ghost, ancestral spirit, nature spirit, corpse, owl, various plants* [7]³. Расширение семантики от «духа предка» до «трупа» является связующим звеном в современном понимании

2 Форма PAN **ʔaNiCu* URL: https://www.trussel2.com/acd/acd-pl_pan.htm#q (дата обращения: 15.11.2020).

3 Форма PMP **ʔanitu* URL: https://www.trussel2.com/acd/acd-pl_pan.htm#q (дата обращения: 15.11.2020).

слова *ханту*. Сохранение значения «сова» имеет мифологический рефлекс в образе *ханту лангсуир*, призраке женщины с длинными волосами и ногтями, дырой на спине, способной превращаться в ночных птиц⁴. Значение «различные растения» напрямую связано с популярными представлениями о месте отдыха *ханту* — часто это особые деревья, например, баньян или банан. Прото-малайский (РМ) корень слова совпадает с современным (*hantu).

В современном индонезийском *hantu* выполняет роль первой основы для двусоставных обозначений конкретных призраков, которые получают свое наименование сообразно их действиям: *ханту голек* (*hantu golek*) — призрак, катающийся по земле, *ханту хару-хару* (*hantu haru-haru*) — призрак, который заводит людей в пустынные места [1, т. 1, с. 300]. *Ханту бангкит* (*hantu bangkit*), *ханту бунгкус* (*hantu bungkus*) или *ханту капан* (*hantu karan*) — это «закутанный призрак», «призрак в саване», эвфемизмы *почонга* — (*posong*). *Hantu* в «Большом толковом словаре индонезийского языка» объясняется как «злой дух, которого, как считается, можно обнаружить в конкретных местах» *roh jahat (yang dianggap terdapat di tempat-tempat tertentu)*. Далее приводятся 25 сложных слов с корневой морфемой *hantu* для обозначения конкретных духов, в большинстве своем, духов природы (*ханту* воды, *ханту* ветра и т. д.). Среди них есть и *ханту почонг* — «*ханту*, напоминающий труп, завернутый в саван» (*hantu yang menyerupai mayat terbungkus kafan*)⁵ [10].

Интересно, что слово *posong* в «Большом индонезийско-русском словаре» имеет лишь значение «сноп (риса)» [1, т. 2, с. 152]. «Большой толковый словарь индонезийского языка» [10] поясняет, что это счетное слово для вязанки рисовых колосьев (*serosong padi*), от яванского слова «связать», предназначенного специально для сбора рисового урожая. Второе значение слова — известный всем *почонг*, «труп в саване» (*mayat yang dibalut kain kafan*)⁶.

Название этого существа имеет любопытное происхождение в этнокультурном контексте мусульманских народов региона. В Индонезии и Малайзии мусульман хоронят без гроба как можно раньше, в день смерти, до наступления темноты. Покойника тщательно омывают без промывания носа и рта. Тело умершего несколько раз оборачивают белой тканью, пропитанной бла-

4 Женщина с совой или женщина-сова — мифологическая универсалия (Афина, Лилит и т. д.). Подробнее о *лангсуир* см.: [5, с. 177].

5 Точная ссылка на *hantu*: URL: <https://kbbi.web.id/hantu> (дата обращения: 15.11.2020).

6 Точная ссылка на *posong*: URL: <https://kbbi.web.id/posong> (дата обращения: 15.11.2020).

говониями на основе камфоры, завязывают погребальный саван над головой, на ногах и на шее. *Кафан*, саван, (*kain kafan*) желателно должен быть белого цвета. После окутывания покойника кладут на носилки (*keranda mayat*) и несут на кладбище. Согласно сунне, тело умершего должно касаться земли, поэтому гроб воспринимается как препятствие к возвращению в вечную жизнь. Обязательна и погребальная молитва над телом (*salat jenazah*): обязательно читают суру Йа Син (К:36). При омовении, выносе тела, положении в могилу и установке памятника должны учитываться ориентиры на Мекку (*kiblat*).

Если погребение проходит неправильно, то, согласно поверьям, если человек умер не своей смертью, а, например, в результате убийства, самоубийства или несчастного случая, умерший не может упокоиться. *Почонг*, как и все *ханту*, не принадлежит миру духов-предков (*roh nenek moyang/roh leluhur*), а продолжает скитаться по земле (*gentayangan*). Если у покойного остались в мире живых незаконченные дела — он выскакивает из могилы на сороковой день.

В начале XX в. в исследованиях по малайскому анимизму, магии, фольклору и демонологии (в работах Р.О. Уинстедта, У.У. Скита и др.) *почонг* именовался эвфемизмом «закутанный призрак» (*hantu bungkus*). «Мифология — это еще не литература, но порождающее ее воображение является движущей силой литературы. “Закутанный Призрак” малайцев, столь туго запеленутый в саван, что он в состоянии передвигаться, только перекатываясь с боку на бок ... — вот герои до ужаса серьезных малайских историй о привидениях» [2, с. 22]. Поверье о *почонге* распространено в основном на островах Ява и Суматра. Любопытно, что *почонг* почти всегда мужчина. У *почонга* зеленое лицо (либо частично сохранившееся лицо разлагающегося трупа, с затычками для ноздрей) и пустые, либо светящиеся зеленым или красным светом глазницы. «В тот момент Деви подняла голову и застыла от ужаса — перед ней стоял белый *почонг*. Он выглядел жутко — все лицо уже истлело и почернело, глаза были красного цвета, он ничего не делал, лишь прыгал вперед-назад перед испуганной Деви и хихикал...» [17, с. 23–24]. «Из-за того, что у *почонга* связаны ноги, он не может ходить — только прыгать. Однако они также умеют летать. Люди верят, что эти *ханту* существуют потому, что что-то (или кто-то) удерживает их на земле. Связанные ноги заставляют *почонга* передвигаться прыжками или парить в воздухе» [23, с. 42–44].

Схож по описанию китайский прыгающий вампир *цзянши* (僵尸 *jiāngshī*, «окоченевший труп»). Он также передвигается прыжками, но вытянув вперед руки. *Цзянши* является в официальном платье династии Цин, что объясняется тем, что в чиновниках простой народ видел бездушных и кровожадных созданий. Ночами *цзянши* ищет своих жертв, чтобы поглотить их энергию *ци*, а днем отдыхает в гробу или в пещере. В современной культуре и кино *цзянши* — гибрид зомби и вампира, но изначально кровопийцей его не представляли. Популярность «китайский прыгающий вампир» приобрел благодаря гонконгскому кинематографу 1980-х гг. [9].

Фабулат «Почонг и тележка с баксо»

Полный перевод на русский одного из таких *черита ханту* позволяет «ощутить» типичный рассказ о встрече с *почонгом*. Текст дополнен схематичными указаниями ключевых моментов фабулата, релевантных для многих других подобных текстов. Точные данные фиксации «**Почонг и тележка с баксо**» (*Pocong gerobak bakso*)⁷ отсутствуют, но, судя по публикации в сборнике *черита ханту*, это примерно 2010 г. (в таких книгах малого формата обычно выходят свежие истории).

В Индонезии еду часто продают прямо на улице с небольших передвижных тележек. Баксо — индонезийский суп с фрикадельками, часто с добавлением лапши или овощей. Упомянутый в конце город — Джокьякарта — маркирует место происшествия: это случилось на Яве.

«Сумарди упорно трудился, чтобы прокормить семью — продавал суп баксо, наворачивая круги по окрестностям. Пока в тележке был баксо — не шел домой, пусть уже и темень на дворе (А).

Однажды в ночь с четверга на пятницу (*malam Jumat Kliwon*) Сумарди особенно не везло, обошел он округу несколько раз, но тележка опустела едва ли наполовину. Он толкал ее дальше и не собирался возвращаться, пока не продаст все до последнего. Так уж случилось, что проходил он по одной из тихих улочек мимо особого места, где, как говорили, творилось невероятное (*wingit*). Внезапно Сумарди *задрожал от ледяных порывов про-*

7 Перевод выполнен студенткой ИСАА МГУ Александрой Игоревной Лунёвой (аспиранткой с 2020 г.) в рамках курсовой работы третьего курса бакалавриата (защита — 2017 г.) по направлению «индонезийская филология, литературоведение». Научный руководитель — М.В. Фролова.

бирающего до костей ветра. В необъяснимом ужасе спрятался он под огромным баньяном, сердце от страха только и стучало тук... тук... тук... тук...

Понемногу оправившись, но не сделав и шага вперед, Сумарди настороженно озирался по сторонам. Его нос уловил запах гнили, который из еле заметного становился все сильнее... **(В)** Обернувшись к тележке, Сумарди застыл в оцепенении! Прямо на ней полеживал (*tiduran*) почонг в белом саване! **(С)**

Сумарди немедленно бросился прочь оттуда и кричал: «Почо-о-о-о-оонг! Там Почо-о-о-о-оонг! Поч-о-о-о-о-оонг!» **(D)** Жители округа сбежались на вопли, расспрашивали Сумарди:

— Что с тобой стряслось? **(Е)**

— Там *почоо-о-оонг!* Прямо на моей тележке!

— Где? — спросил народ.

— *Севернее* от деревни под большим баньяном, — отвечал испуганный Сумарди. Деревенские рассказали ему, что там призраков действительно тьма-тьмушая (*angker*) — ведь под большим баньяном-то была могила (*makam*)! **(F)** Ее обитатель (*hantu penunggu*) частенько беспокоил припозднившихся путников. Услышав рассказ местных и немного успокоившись, Сумарди позвонил сыну, тот приехал и забрал его домой вместе со злосчастной тележкой. С тех пор Сумарди больше не отваживался продавать баксо — не хотелось ему, чтобы та история повторилась. Вот и устроился он подметать полы в одном из частных университетов в Джокьякарте» **(G)** [17, с. 11–13].

Приведенный текст позволяет сформулировать ключевые моменты фабулата: человек из народа занимается своими делами **(А — отправная точка, изначальная гармония)**, но тут появляются тревожные ощущения и намеки в природе и окружающей обстановке, что что-то пошло не так. Человек сталкивается с некоторыми предчувствиями и предзнаменованиями (*firasat*). Рассказчиком создается тревожная атмосфера (*suspense*) — внезапно выключается свет, налетает холодный ветер, волосы встают дыбом, бегут мурашки по коже **(В — предчувствие)**. Далее происходит момент, обозначаемый всегда устойчивым словосочетанием «явление нечисти» (*penampakan hantu*) **(С — явление нечисти)**. Кульминация — явление истинного лица таинственного встречного, момент *узнавания* нечисти человеком. В момент узнавания самого *ханту* наступает **реакция (D)**. Сразу после узнавания в странном незнакомце призрака человек начинает бежать от него или применять противодействие от угрожающей демонстрации ножей,

игл и ножниц до чтения сур Корана, и, как правило, ему удается спастись (**Е — спасение**). Далее другие второстепенные персонажи подтверждают: правда, это был *ханту*, так как он часто встречался в том самом месте, где появился (**F — подтверждение другими**). Фабулат заканчивается тем, что встретившийся с *ханту* человек больше в то место не ходил, переехал, сменил работу либо заболел (**G — финал**), как это случилось с Мас Гоно, к которому в гости нагрязнул *почонг*, устроил с ним «дуэль взглядов» (*adu pandang*), и далее *почонг* отступил и «отпрыгнул назад под свое банановое дерево⁸, где и был его дом. А Мас Гоно потом болел три дня» [24, с. 226].

Почонг и народный ислам

Почонг для верующих — символ бренности земного существования. Выражение **сумпах почонг** (*sumpah pocong*) означает клятву, сопровождающуюся ритуалом: нужно завернуться в саван как покойник (*dipocong seperti mayat*) и лечь на пол в мечети по направлению к Мекке. Такую клятву дают, если нет доказательств невиновности, — считается, что это клятва перед Богом, преступник заплатит за свои грехи на том свете. В статье «Клятва *почонга*: попытка конструкции культурного *фикха* по-индонезийски» [8] отмечается, что *клятва почонга* является деревенским ритуалом на Яве (в особенности в провинции Восточная Ява). «Исполнитель роли *почонга* произносит клятву лежа, завернувшись в саван», как и подобает умершему мусульманину. Тем не менее клятва нередко приносится другим способом, например, не полностью в саване, а только обмотав голову краем савана и сидя. Обычно клятву приносят мусульмане в присутствии свидетелей в мечети. <...> *Клятва почонга* имеет большие последствия. Если свидетельство, сопровождаемое клятвой, ложно, то исполнителя роли *почонга* коснется кара Господня» [8, с. 5–6].

Другим ритуалом, связанным не только с *почонгом*, но и с другими персонажами низшей мифологии, является **песугихан** (*pesugihan*, от яв. *sugih* — «богатый»), ритуал обогащения. «Дельцы, желающие получить выгоду благодаря сделке с нечистой силой, должны проделать следующее: уединиться возле свежей могилы, читать мантры, которые дал колдун (*dukun*), а для достижения максимальной силы — в определенный день разрыть могилу и выкрасть край савана. Лучше всего если умерший отправился на тот

⁸ Банан часто называют деревом, в том числе и в Индонезии, на самом деле это многолетнее травяное растение.

свет в ночь на пятницу *кливон* (*malam Jumat kliwon*) или на вторник *кливон* (в день пересечения с последним днем пятидневной яванской недели). Чтобы не произошло подобного осквернения, в провинции Центральная Ява свежие могилы стерегут по очереди в течение сорока дней» [24, с. 35].

Фабулат «Саван — источник наслаждения» (*Kafan sumber kenikmatan*) является примером ритуала *песугихан*. «Земля с могилы рассыпана возле уличного кафе-*варунга* (*warung*), а кусок савана каждый день опускают в хлебку и напитки, которые подают гостям. А потом *почонг* плюнет на еду <...>, но люди не заметят, что от еды плохо пахнет, наоборот, им так понравится вкус, что они пристрастятся и будут приходить еще и еще в то же заведение» [24, с. 35]. *Почонг* пойдет искать свой саван, и не сможет покинуть место, так как попадет в рабство к колдуну-*дукуну*. Как распознать такое заведение? Приводятся его приметы: «...обычно там мало света, а народу полно, очереди огромные. А помимо этого перед *варунгом* обычно растет примечательное дерево, где *почонг* и отдыхает, пока кафе закрыто» [24, с. 37].

Клятва почонга и *песугихан* демонстрируют, что ритуальная сторона мифологии *почонга* сохраняет свою актуальность в деревенских кругах; для городского населения более актуальны современные формы фольклора.

Современный фольклор и Интернетлор

Самым популярным призраком Индонезии обычно считают *кунтиланак*. «Это призрак молодой женщины, который предупреждает о своем появлении голосами птиц, ароматом цветов, а в момент узнавания человеком превращается в нежить, намеревающуюся убить свою жертву. Большинство народных рассказов о *кунтиланак* повествуют либо о смерти в родах, либо об умершей не своей смертью жертве насилия, после чего несчастная превращается в вампироподобную нечисть» [5, с. 173]. Наряду с ней, «сестрицей Кунти» (*mbak Kunti*), «господин Почонг» (*pak Pocong*) является простому народу и становится персонажем не только устных рассказов и блогов в Интернете, но и бульварной литературы, комиксов, любительских видео, флешмобов, помимо своего заметного присутствия в кинематографе Индонезии, в комедии и в хорроре. Молодежь разыгрывает прохожих, устраивает уличные *пранки*, снимает видео для своих *youtube*-каналов, делает анимации (серия *Смешной хоррор* [15]) и комические видеоролики (*Комната застенчивых призраков* [16]). 1 апреля 2020 г., в разгар пандемии коронавируса Covid-19,

двое жителей деревни Сукохарджо, провинция Центральная Ява, нарядились *почонгами*, чтобы распугивать общительных соседей и их детей, любителей собратиться большой компанией. Пара ходячих мертвецов «наглядно» предупредила об опасности смертельной инфекции и в то же время карнавалльно предлагала смеховую защитную реакцию от паники [21].

Индонезийский зомби

Из пугающих, но никогда не изображаемых иначе, чем в фольклорной словесности, призраков прошлого современные *кунти* и *почонг* превратились в персонажей поп-культуры. Исходя из этого положения, к анализу современного образа *почонга* как *живого мертвеца* можно применить модель, изначально возникшую в *zombie studies* — комплексном изучении феномена популярности зомби в массовой культуре. Самая известная концепция, предлагающая читать зомби социологически, принадлежит Тодду Платтсу, который обращается к истории субжанра *zombie movies* и перечисляет варианты значений образа (от расизма до распада нуклеарной семьи, от обвинения в адрес культуры потребления до терроризма). «Социологи могут предоставить важные точки зрения того, как зомби-культура отражает, меняет и запечатлевает существующее неравенство, в особенности в отношении расы, **класса** (выделено мной. — М.Ф.), пола и сексуальной ориентации» [4, с. 166–167]⁹.

Многие индонезийцы соглашаются, что *почонг* сейчас — это портрет бедняка, бездомного и маргинала (а его «призрачная подруга» *кунтиланак* — образ проститутки). Лидер Демократической партии Индонезии Анас Урбанинграм в 2011 г. дал интервью, в котором он упомянул, что «в Индонезии ужасы — это истории про *кунтиланак*. Она в простом белом платье, живет если не на дереве, то на обочине дороги, иногда притворяется продавщицей *джаму* (средств традиционной медицины. — М.Ф.) или уличной девкой. Если не *кунти*, то *почонг*, рожа страшная, весь его наряд — саван, является на могилах и в темных закоулках. Вот она, визуализация того, что мы должны побороть, чтобы преодолеть бедность в Индонезии» [19]. Анас Урбанинграм обращается к идее, что *ханту* — это продукт воображе-

9 Раса, гендер и сексуальная ориентация — не менее важные темы, волнующие индонезийское общество. Для прочтения *почонга* как представителя LGBTQ+ необходимо дополнительное исследование, основанное на современных индонезийских фильмах ужасов о *почонге*, но это выходит за рамки данной статьи.

ния простого народа (о чем также говорят и строгие исламские богословы, стараясь искоренить суеверия) и что *ханту* — лишь образы несчастных маргинализированных групп индонезийского общества.

Почонг, с одной стороны, символизирует уникальность неортодоксального ислама, допускающего верования в *ханту*. Для верующих традиционалистов мифо-ритуальный комплекс вокруг образа *почонга* не вызывает противоречий: доказательством тому служат постоянно обновляющиеся новости о том, кто и когда дал *клятву почонга*, совершил обряд *песугихан*, привлек *почонга* служить для личного обогащения и т. д. Странники чистого ислама выступают против всех суеверий, но и в их среде *почонг* известен как мифологический персонаж, с акцентом на социальных коннотациях образа. Как и все *ханту*, *почонг* — неприкаянная душа. Он не может жить по-человечески в буквальном смысле. Его пугающий и одновременно нелепый вид напоминает народный протест, заметный и мало эффективный. Во многих демонстрациях люди наряжаются в *почонга*, выражая тем самым свое категорическое несогласие с правительством. Такое понимание образа подтверждает тезис Анаса Урбанингума, подчеркнувшего классовый элемент в образе *ханту*.

Иногда демонстранты сжигают куклу *почонга*, которая содержит узнаваемые черты конкретного политика или к ней приклеен его/ее портрет, например, 24 сентября 2018 г. в Бенгкулу [18] или 9 октября 2020 г. в Наган Райя, провинция Аче, во время массовых протестов рабочих и студентов против сводного законопроекта о создании рабочих мест (*Undang-Undang Ciptaker*) [20]. *Почонг* — призрак угнетенных и рабочих. Также *почонг* выполняет функцию «черной метки» для нарушителя (уклонение от мер по безопасности, несоблюдение «протокола здоровья»¹⁰) или официального лица, злоупотребившего полномочиями (публичное сжигание *почонга* как «куклы-реплики» политика).

Почонг, как отмечалось выше, часто становится костюмом для молодежного времяпрепровождения. Однако во время пандемии Covid-19 ряженые *почонги* не только добровольно развлекают жителей своего района: *почонг* становится «костюмом позора» для нарушивших масочный режим (14 ноября 2020 г.) [22].

10 Протокол здоровья (*protokol kesehatan*) — комплекс мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции: обязательное ношение в публичных местах медицинских масок, перчаток, соблюдения социальной дистанции и т. д.

Маргинальность образа *почонга* акцентирована на социальной стороне, но возможны и известные варианты альтернативных символических прочтений. Социальные коннотации образа *почонга* не противоречат его «чистым», фольклорным формам, а дополняют и оживляют их. Фабулаты о ходячем мертвце, пугающем своего визави, продолжают преумножаться, передаваться устно и фиксироваться письменно.

Список литературы

Исследования

- 1 Большой Индонезийско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Р.Н. Коригодского. М.: Русский язык, 1990. 560 с. + 496 с.
- 2 *Винстедт Р.* Путешествие через полмиллиона страниц. История классической малайской литературы / пер. с англ. под ред., с предисл. и примеч. Б.Б. Парнике-ля. М.: Наука, 1966. 291 с.
- 3 *Неклюдов С.Ю.* Образы потустороннего мира в народных верованиях и традици-онной словесности // Восточная демонология. М.: Наследие, 1998. С. 6–43.
- 4 *Платтс Т.* Обнаружение зомби в социологии поп-культуры // Археология рус-ской смерти. 2017. Т. 4, № 1. С. 151–173.
- 5 *Фролова М.В., Лунёва А.И.* Месть Кунтиланак: индонезийский призрак в совре-менной культуре // ЭТНОГРАФИЯ / ETNOGRAFIA. 2019. № 1 (3). С. 173–192. DOI: 10.31250/2618-8600-2019-1(3)-173-192
- 6 *Bane T.* Encyclopedia of Demons in World Religions and Cultures. Jefferson, North Carolina, and London: MacFarland & Company, Inc. Publishers, 2012. P. 161–162.
- 7 *Blust R., Trussel S.* Austronesian Comparative Dictionary. 2010-. URL: <https://www.trussel2.com/> (дата обращения: 15.11.2020).
- 8 *Fuad Iwan Zaenul.* Sumpah Pocong: Upaya Konstuksi Fiqh Kultural Khas Indonesia // Jurnal Hukum Islam. 2014. № 12 (1). P. 63–86. (Иван Зайнул Фуад. Клятва почонга: попытка конструкции культурного фикха по-индонезийски) (на индон. яз.)
- 9 *Hudson D.* Modernity as Crisis: *Goeng Si* and Vampires in Hong Kong Cinema // Draculas, Vampires, and Other Undead Forms. Essays on Gender, Race and Culture / ed. by J.E. Browning, C.J. Pickart. Lanham, Maryland, Toronto, New York, Plymouth, UK: The Scarecrow Press, Inc., 2009. P. 203–233.
- 10 *Kamus Besar Bahasa Indonesia Edisi Kelima / Badan Pengembangan dan Pembinaan Bahasa, Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Republik Indonesia* (Большой тол-ковый словарь индонезийского языка / пятое изд., под ред. Института развития языка при Министерстве образования и культуры республики Индонезии). URL: <https://kbbi.kemdikbud.go.id/> (дата обращения 15.11.2020) (на индон. яз.)

Источники

- 11 Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII–IX вв.) / пер. с кит. И. Соколовой и О. Фишман. М.: Худож. лит., 1970. 335 с.
- 12 Дважды умершая. Старые китайские повести / пер. с кит. Д. Воскресенского. М.: Худож. лит., 1978. 405 с.
- 13 *Hуен Зи*. Пространные записи рассказов об удивительном / пер. с вьетнамского М. Ткачёва. М.: Худож. лит., 1974. 240 с.
- 14 *Пу Сун-лин*. Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных / пер. с кит. и коммент. академика В.М. Алексеева. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. 564 с.
- 15 Ногор Луци (Смешной хоррор). URL: https://www.youtube.com/channel/UCunz-OzgrbVmzEUZuifW1_g (дата обращения: 15.11.2020). (на индон. яз.)
- 16 Kamar Hantu Gaguk (Комната застенчивых призраков). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SoIB3oLOpmc> (дата обращения: 15.11.2020). (на индон. яз.)
- 17 *Ketitik Kelik*. Kuntilanak. Kisah Nyata Ketemu Hantu. Yogyakarta: Narasi, 2010. 100 h. (*Кетитик Келик*. Кунтиланак. Реальные истории о встречах с нечистью. Джокьякарта: Нараси, 2010. 100 с.) (на индон. яз.)
- 18 Pendemo Bakar Replika Pocong di Depan Kantor Gubernur Bengkulu (Протестующие сжигают куклу *почонга* перед губернаторским зданием в Бенкулу). URL: <https://bengkuluexpress.com/pendemo-bakar-replika-pocong-di-depan-kantor-gubernur-bengkulu/> (дата обращения: 15.11.2020) (на индон. яз.)
- 19 *Urbaningrum Anas*. Pocong – wajah kemiskinan Indonesia (*Анас Урбанингрум*. Почонг – лицо бедности Индонезии). URL: <https://money.kompas.com/read/2011/02/24/14595922/pocong.wajah.kemiskinan.indonesia> (дата обращения: 15.11.2020). (на индон. яз.)
- 20 Video Mahasiswa dan Buruh di Nagan Raya Bakar Pocong yang Ditempel Gambar Puan Maharani (Видео: студенты и рабочие в Наган Райе сжигают почонга, на котором наклеена фотография Пуан Махарани). URL: <https://aceh.tribunnews.com/2020/10/09/video-mahasiswa-dan-buruh-di-nagan-raya-bakar-pocong-yang-ditempel-gambar-puan-maharani> (дата обращения: 15.11.2020). (на индон. яз.)
- 21 Viral Pocong Bubarkan Warga Berkumpul Kala Wabah Covid-19 (Вирусное видео: почонги разгоняют народ во время эпидемии Covid-19). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EVhe3G9rvuM> (дата обращения: 15.11.2020) (на индон. яз.)
- 22 Viral Warga Cinere Depok Dihukum Kostum Pocong Tak Pakai Masker (Вирусная новость: жители Чинере Депок без масок наказаны носить костюм почонга). URL: <https://jakarta.suara.com/read/2020/11/11/175803/viral-warga-cinere-depok-dihukum-pakai-kostum-pocong-tak-pakai-masker> (дата обращения: 15.11.2020) (на индон. яз.)
- 23 *Wikanjati Argo*. Kumpulan Kisah Nyata Hantu di 13 Kota. Yogyakarta: Narasi, 2010. 236 h. (*Арго Виканджати*. Сборник реальных историй о нечисти в тринадцати городах. Джокьякарта: Нараси, 2010. 236 с.) (на индон. яз.)

- 24 *Zidan Mada, Genta D. Bonaventura, Hao Hari. Kisah Tanah Jawa. Jakarta: Gagas Media, 2019. 256 h. (Мада Зидан, Бонавентура Д. Гента, Хао Хао. Истории яванской земли. Джакарта: Гарас Медиа, 2019. 250 с.).* (на индон. яз.)

References

- 1 Korigotsky, R.N., editor. *Bol'shoi Indoneziisko-russkii slovar': v 2 t. [Big Indonesian-Russian Dictionary: in 2 vols.]*. Moscow, Russkii Iazyk Publ., 1990. 560 p. + 496 p. (In Indonesian and In Russ.)
- 2 Winstedt, R.O. *Puteshestvie cherez polmilliona stranits. Istorii klassicheskoi malaiskoi literatury [Traveling through Half a Million Pages. A History of Classical Malay Literature]*, trans., comm. by B.B. Parnickel. Moscow, Nauka Publ., 1966. 291 p. (In Russ.)
- 3 Nekliudov, S.Iu. "Obrazy potustoronnego mira v narodnykh verovaniiah i traditsionnoi slovesnosti" ["Images of the Other World in Folk Beliefs and Traditional Texts"]. *Vostochnaia demonologiya [Eastern Demonology]*. Moscow, Naslyedie Publ., 1998, pp. 6–43. (In Russ.)
- 4 Platts, T. "Obnaruzhenie zombi v sotsiologii pop-kul'tury" ["Locating Zombies in the Sociology of Popular Culture"]. *Arkheologiya russkoi smerti*, vol. 4, no. 1, 2017, pp. 151–173. (In Russ.)
- 5 Frolova, M.V., and Luneva, A.I. "Mest' Kuntilanak: indoneziiskii prizrak v sovremennoi kul'ture" ["The Vengeance of Kuntilanak: Indonesian Ghost in Modern Culture"]. *ETNOGRAFIYA*, no. 1 (3), 2019, pp. 173–192. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8600-2019-1(3)-173-192
- 6 Bane, Theresa. *Encyclopedia of Demons in World Religions and Cultures*. Jefferson, North Carolina, and London, MacFarland & Company, Inc. Publishers, 2012, pp. 161–162. (In English)
- 7 Blust, Robert, and Trussel Stephen, editors. *Austronesian Comparative Dictionary*. 2010–. Available at: <https://www.trussel2.com/> (Accessed 15 November 2020). (In English)
- 8 Fuad, Iwan Zaenul. "Sumpah Pocong: Upaya Konstuksi Fiqh Kultural Khas Indonesia" ["Pocong's Oath: an Attempt to Construct Cultural Fiqh in Indonesian Way"]. *Jurnal Hukum Islam*, no. 12 (1), 2014, pp. 63–86. (In Indonesian)
- 9 Hudson, Dale. "Modernity as Crisis: Goeng Si and Vampires in Hong Kong Cinema". *Draculas, Vampires, and Other Undead Forms. Essays on Gender, Race and Culture*, ed. by J.E. Browning, C.J. Pickart. Lanham, Maryland. Toronto, New York, Plymouth, UK, The Scarecrow Press, Inc., 2009, pp. 203–233. (In English)
- 10 *Kamus Besar Bahasa Indonesia Edisi Kelima, Badan Pengembangan dan Pembinaan Bahasa, Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Republik Indonesia [The Big Indonesian Dictionary, 5th Edition, Edited by the Institute of Language Development and Diplomacy, The Ministry of Culture and Education of Indonesian Republic]*. Available at: <https://kbbi.kemdikbud.go.id/> (Accessed 20 July 2020). (In Indonesian)